

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-151-164>

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Е.И. Погорельская
г. Москва, Россия

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ ИСААКА БАБЕЛЯ

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01239 «От факта к художественному образу — осмысление Первой мировой войны в творчестве прозаиков и поэтов — А.Н. Толстого, Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, И.Э. Бабеля», URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01239/>

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об участии И.Э. Бабеля в событиях Первой мировой войны, и о том, какое место эта война занимает в его творчестве. В «Автобиографии», написанной в ноябре 1924 г., писатель сообщает, что был солдатом на Румынском фронте. Этот факт не подтверждается документально, но в двух рассказах 1932 г. «Армак» и «Дорога» упоминаются воинские соединения, действовавшие во время войны. Тема Первой мировой войны так или иначе нашла отражение в отдельных рассказах и очерках 1916–1918 гг. Непосредственно этой войне посвящен цикл «На поле чести» (1920), однако его содержание заимствовано из литературных источников и посвящено иностранной армии. Если Бабель и участвовал в военных событиях, то очень непродолжительное время. Видимо поэтому тема Первой мировой войны отразилась в его рассказах и очерках только штрихами и отдельными упоминаниями. Тем не менее на протяжении многих лет последствия и отголоски той войны оставались в поле зрения писателя, что нашло отражение в его произведениях не только 1910–1920-х, но и 1930-х гг.

Ключевые слова: И. Бабель, Первая мировая война, биография, проза, публицистика, цикл «На поле чести».

Информация об авторе: Елена Иосифовна Погорельская — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0668-7320>

E-mail: elena_pog@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.11.2023

Дата одобрения рецензентами: 23.01.2024

Дата публикации: 25.09.2024

Для цитирования: Погорельская Е.И. Первая мировая война в биографии и творчестве Исаака Бабеля // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 151-164.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-151-164>

В «Автобиографии», написанной в ноябре 1924 г., об участии в событиях Первой мировой войны Бабель сообщает короткой фразой: «...я был солдатом на Румынском фронте» [11, с. 10]. Документально эти слова нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Однако герой-повествователь двух рассказов писателя, опубликованных одновременно в марте 1932 г., упоминает свою службу в двух воинских соединениях, действовавших на фронтах Первой мировой войны. В рассказе «Аргмак», опубликованном в третьем номере журнала «Новый мир» за 1932 г., а в 1933-м включенном в книгу «Конармия», упоминается 15-я пехотная дивизия, входившая в состав 8-го армейского корпуса: «Кавалерийское мое умение ограничивалось тем, что в германскую войну я служил в артдивизионе при 15-й пехотной дивизии» [12, с. 109]. В «Дороге», появившейся в третьем номере журнала «30 дней» за 1932 г., герой-повествователь сообщает о себе: «Я ушел с развалившегося фронта в ноябре семнадцатого года» [11, с. 430]. И далее дважды упоминается Шуйский полк¹ [11, с. 434, 436].

Единственным документальным, но весьма косвенным подтверждением участия писателя в событиях Первой мировой войны служит его письмо, адресованное А.Г. Слоним, от 7 декабря 1918 г.: «За время моего исчезновения la vie² мотала меня на многие лады. Я приезжал, уезжал, был болен, призывался» [10, с. 236].

Начало Первой мировой войны совпало с обучением Бабеля в Киевском коммерческом институте. К лету 1915 г., когда обстановка на фронте обострилась и немецкие войска подступали к Киеву, ему наряду с другими студентами института 4 сентября 1915 г. было выдано временное свидетельство о том, что он прослушал полный курс наук по экономическому отделению. А в начале октября 1915 г. Киевский коммерческий институт был эвакуирован в Саратов, где Бабель пробыл примерно 10 месяцев (в августе 1916 г. студентам было разрешено вернуться в Киев).

16 мая 1915 г. Бабель подал прошение о приеме его на юридический факультет в Петроградский психоневрологический институт и 10 октября того же года был зачислен на четвертый курс.

Сохранились документы, связанные с призывом Бабеля на военную службу и отсрочкой от нее, в период его обучения в Киевском коммерческом институте и Петроградском психоневрологическом институте. 7 февраля 1915 г. Бабель получил свидетельство Одесского городского по воинской повинности присутствия в том, что он «явился к исполнению воинской повинности при призыве 1915 года и зачислен в ратники ополчения второго разряда» (Государственный архив Киева (ГАК) Ф. 153. Оп. 7. Д. 239. Л. 104). 15 декабря того же года Канцелярия Киевского коммерческого института известила Воинское присутствие Одессы о том, что экзамены в «Испытательной Комиссии в осенней сессии закончены 20 ноября 1915 года и всем закончившим выданы временные свидетельства впредь до изготовления дипломов³», а потому ратник второго разряда Бабель «пользоваться отсрочкой по воинской повинности ни под каким предлогом не может» (ГАК. Ф. 153. Оп. 7. Д. 239. Л. 104).

¹ 118-й Шуйский пехотный полк входил в состав 1-й бригады 30-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса 6-й армии; с декабря 1916 г. действовал как раз на Румынском фронте.

² Жизнь (*фр.*).

³ Диплом об окончании института Бабель получил лишь 10 ноября 1917 г. (см.: ГАК. Ф. 153. Оп. 7. Д. 239. Л. 13).

Отсрочку же от военной службы он получил как студент Петроградского психоневрологического института (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 115. Оп. 2. Д. 432. Л. 21, 27). По свидетельству сестры писателя, М.Э. Шапошниковой, он был призван в армию в октябре 1917 г., но вскоре заболел [9, с. 25-26]. Подробно об этом периоде жизни писателя см.: [4, с. 55-96].

Еще более лаконично, чем о Румынском фронте, Бабель упоминает в «Автобиографии» о своем пребывании в Первой конной армии. Однако реальный опыт, полученный им в Гражданскую войну, во время польского похода буденновской армии 1920 г., стал для писателя источником его главного произведения — книги «Конармия».

Под заголовком «Мои листки» в «Журнале журналов» в 1916 г. были опубликованы очерки «Публичная библиотека» и «Девять». В первом из них говорится о том, как в условиях войны меняется состав читателей библиотеки:

Публика теперь, во время войны, изменилась. Меньше студентов. Совсем мало студентов. В кои-то веки увидишь студента, безболбно погибающего в уголку. Это — «белобилетник». Он в пенсне или деликатно подхрамывает <...>.

Прежний студент вернулся в библиотеку в обличье раненого офицера, с черной повязкой. Рана его заживает. Он молод и румян. Пообедал, прошелся по Невскому. На Невском уже огни <...>. В гости еще рано. Офицер идет по старой памяти в Публичку, вытягивает под столом, за которым сидит, длинные ноги и читает «Аполлон» [10, с. 57].

Среди авторов, ожидающих приема у редактора, из очерка «Девять» — еврей по фамилии Корб, получивший контузию в Первую мировую:

Самый печальный посетитель — это Корб. Он еврей, истинный Агасфер. Родился в Литве <...>. Потом он был в Америке. Во время войны очутился почему-то в Антверпене и 44-х лет от роду поступил в иностранный легион. У Мобежа его контузили в голову. Она у него трясется. Каким-то образом Корба эвакуировали в Россию, в Петроград. Он получает откуда-то пособие, снимает на Песках угол в смрадном подвале и пишет драму: «Царь Израильский» [10, с. 61].

Действие рассказа «Doudou», опубликованного 13 марта 1917 г. в газете «Свободные мысли», происходит во французском военном госпитале. Но там оказываются русские: санитар, он же герой-повествователь, «корявый мужичонка Дыба» и сестра милосердия по фамилии Кирдецова. З. Бар-Селла предположил, что речь идет о «пребывании во Франции русских экспедиционных войск», которые были «полностью экипированы», но не имели своих врачей [1, с. 33-34]. Вот фрагмент из книги русского военного деятеля, генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова, написанной по материалам архивов французского военного министерства:

Самым тяжелым и трудно разрешимым вопросом являлся вопрос лечения больных и раненых русских воинов. Производилось оно за счет французского правительства во французских лечебных заведениях <...>. Не зная языка и не имея возможности ни перед кем высказаться, русские офицеры и солдаты естественно не могли пользоваться всею полнотою ухода в том лечебном заведении, в котором они находились <...>.

Лишь к середине 17-го года были приняты некоторые меры по сосредоточению в определенных пунктах русских больных и раненых, с привлечением в госпитали этих пунктов русских врачей и русских сестер милосердия на службу, а также по изданию на русском языке установленных правил для больных [3, с. 56].

Героиня рассказа — медсестра, прозванная *la petite Doudou*⁴, содержанка генерала С., по вечерам танцевавшая в кафешантане акробатическое танго. Главная черта *Doudou* — жертвенность. Однажды «на третий день Пасхи привезли к нам разбившегося летчика-француза — *m-r Drouot*⁵. У него были раздроблены обе ноги. Он был бретонец, сильный, черный и молчаливый. Твердые щеки чуть отливали синевой. Так странно было видеть — мощное туловище, точеная крутая шея и разбитые, беспомощные ноги» [11, с. 358]. Уступив умирающему летчику, *Doudou* позволила ему невинные ласки. Это получило огласку, и ее выгнали из госпиталя. Напоследок она призналась герою-повествователю в том, что, если бы потребовалось, сделала бы то же самое для Дыбы, самого неприятного пациента госпиталя.

В этом рассказе нельзя не уловить мопассановских мотивов из произведений, посвященных франко-прусской войне, а именно новелл «Пышка» и «Мадемуазель Фифи» (подробнее см. [1, с. 31–38]). Но, в отличие от героинь Мопассана, имевших дело с ненавистными врагами, *Doudou* проявляла трепетную заботу о своих: «В госпитале она благоговела перед всеми солдатами и ухаживала за ними, как прислуга» [11, с. 358].

С марта по июль 1918 г. в горьковской газете «Новая жизнь» было напечатано 17 очерков-репортажей Бабеля, которые посвящены в основном жизни революционного Петрограда, в том числе последствиям Первой мировой войны. Так, в очерке «Слепые», опубликованном 19 мая, говорится об «убежище для слепых воинов» [10, с. 175], внутренняя архитектура которого не подходит для существования незрячих людей. Война затронула их дважды:

Мне рассказали о том, как протекала эвакуация слепых из убежища.

Приближение немцев, боязнь оккупации приводила их в чрезвычайное волнение. Причины волнения — многосложны. Первая из них та, что всякая тревога сладостна для слепых. Возбуждение охватывает их быстро и неодолимо, нервическое стремление к выдуманной цели побеждает на время уныние тьмы.

Второе основание для бегства — особенная боязнь немцев.

Большинство призреваемых прибыли из плена. Они твердо убеждены в том, что если придет немец, то снова заставит служить, заставит работать, заставит голодать [10, с. 176].

Но особенно интересна в этом очерке биография жены одного из слепцов, типичная для той эпохи:

В стороне от главного здания приютился одноэтажный дом. В нем живут особенные люди особенного времени — семейные слепые.

Я разговорился с одной из жен — рыхлой, молодой женщиной в капоте и в кавказских туфлях. Тут же сидел муж — старый костлявый поляк с оранжевым цветом лица, выведенного газами.

Я расспросил и понял быстро: отупевшая маленькая женщина — русская женщина нашего времени, заверченная вихрем войны, потрясений, передвижений.

В начале войны она «из патриотизма» пошла в сестры милосердия.

Прожито многое: изувеченные «солдатики», налеты немецких аэропланов, танцевальные вечера в офицерском собрании, офицеры в «галифе», женская болезнь, любовь к какому-то уполномоченному, потом — революция, агитация, снова любовь, эвакуация и подкомиссии...

Где-то, когда-то, в Симбирске были родители, сестра Варя, двоюродный брат путеец... Но от родителей полтора года нет писем, сестра Варя — далеко, теплый запах родины испарился... [10, с. 176–177]

⁴ Крошка Дуду (*фр.*).

⁵ Месье Дроу (*фр.*).

В Первой мировой войне Бабель, по всей видимости, участия почти не принимал, или это был совсем короткий эпизод, и потому она проходит в его творчестве лишь пунктиром, а произведение, непосредственно посвященное ей, — небольшой цикл «На поле чести» — заимствовано из литературных источников и посвящено иностранной армии.

В составе цикла «На поле чести», опубликованного в июне 1920 г. в первом номере одесского журнала «Лава», четыре рассказа: «На поле чести», «Дезертир», «Семейство папаши Мареско» и «Квакер». В кратком авторском предисловии к ним говорится:

Печатаемые здесь рассказы — начало моих заметок о войне. Содержание их заимствовано из книг, написанных французскими солдатами и офицерами, участниками боев. В некоторых отрывках изменена фабула и форма изложения, в других я старался ближе держаться к оригиналу [11, с. 378].

В.Б. Шкловский позднее вспоминал: «...приезжий одессит <...> рассказал <...> что Бабель не то переводит с французского, не то делает книгу рассказов из книги анекдотов» [6, с. 153].

Речь шла о книге французского капитана Г. Видаля⁶ «Персонажи и анекдоты Великой войны», изданной в 1918 г. в Париже и состоявшей из 35 очерков и рассказов. Для удобства будем далее называть их главами. На основе 11-й главы «Два поступка перед лицом совести» [14, с. 73–83] написаны рассказы Бабеля «На поле чести» и «Дезертир»; 15-я глава «История в духе Шекспира» [14, с. 105–111] послужила источником рассказа «Семейство папаши Мареско».

Этому циклу посвящена небольшая статья И.А. Смирин, в которой он бегло сравнил рассказы Бабеля с фрагментами книги Видаля: «Бабель сохранил со всей полнотой деталей описанные Видалем эпизоды фронтовой жизни. Остались неизменными и сюжетные линии. Многие реплики совпадают текстуально» [5, с. 121]. Детальному сопоставлению трех рассказов Бабеля о Первой мировой войне с книгой Видаля посвящена работа британского ученого К.Д. Лака; см.: [7].

В открывающем цикл рассказе «На поле чести» повествуется о солдате Биду и капитане по фамилии Ratin. В 300 метрах от траншеи, на дне ямы, образовавшейся от разорванного снаряда, капитан застаёт солдата за непристойным занятием. Биду признается, что не может вылезти из канавы, что ему очень страшно, что он испробовал все средства, но ничто не помогло — ни самовнушение, ни выпитая бутылка чистого спирта. И далее произошло следующее:

Никакими силами нельзя было заставить его подняться. Тогда капитан подошел к самому краю ямы и прошепел совершенно тихо:

— Встань, Биду, или я оболую тебя с головы до ног.

Он сделал, как сказал. С капитаном Ratin шутки были плохи. Зловонная струя с силой брызнула в лицо солдата. Биду был дурак, деревенский дурак, но он не перенес обиды. Он закричал нечеловеческим и протяжным криком; этот тоскливый, одинокий, затерявшийся вопль прошел

⁶ Гастон Видаль (1888–1949), французский политический деятель, журналист, спортсмен. В годы войны служил во французской горной пехоте, получил звание капитана. Видаля называли «асом пехоты», но из-за полученных ранений в 1917 г. ему пришлось уволиться из армии. В дальнейшем он возглавлял газету «Le Pauc», был депутатом Национальной ассамблеи от департамента Алье, помощником заместителя министра (в правительствах А. Бриана и Р. Пуанкаре), возглавлял Союз французских обществ легкой атлетики, Национальный спортивный комитет.

по взброненным полям; солдат рванулся, заломил руки и бросился бежать по полю к немецким траншеям. Неприятельская пуля пробила ему грудь. Ratin двумя выстрелами прикончил его из револьвера. Тело солдата даже не дернулось. Оно осталось на полдороге, между вражескими линиями.

Так умер Селестин Биду, нормандский крестьянин, родом из Ори, 21 года, — на обгаренных кровью полях Франции [11, с. 379].

Слова «на поле чести», давшие название всему циклу, приобретают в первом рассказе горько-ироническую окраску (впрочем, горькой иронией пронизаны все четыре текста Бабеля), а непосредственно эти слова упомянуты в рассказе «Дезертир», истории двадцатилетнего солдата Божи и капитана Жемье. В начале рассказа Бабель дает капитану такую характеристику:

Капитан Жемье был превосходнейший человек, к тому же философ. На поле битвы он не знал колебаний, в частной жизни умел прощать маленькие обиды. Это немало для человека — прощать маленькие обиды. Он любил Францию с нежностью, пожирившей его сердце, поэтому ненависть его к варварам, осквернившим древнюю ее землю, была неугасима, беспощадна, длительна, как жизнь.

Что еще сказать о Жемье? Он любил свою жену, сделал добрыми гражданами своих детей, был французом, патриотом, книжником, парижанином и любителем красивых вещей [11, с. 379].

Божи боится смерти, он задержан при попытке побега с фронта и доставлен под стражей к Жемье. Доводы молодого солдата сводятся к следующему:

Война ему отвратительна. Он не шел предавать, он шел сдаться <...>. Он сказал, что ему всего двадцать лет <...> в двадцать лет можно совершить ошибку. У него есть мать, невеста <...>. Перед ним вся жизнь, перед этим двадцатилетним Божи, и он загладит свою вину перед Францией.

Сохранение чести тоже имеет для юноши значение:

Капитан, что скажет моя мать, когда узнает, что меня расстреляли, как последнего негодяя?

Жемье предлагает ему избежать позора и застрелиться:

Ты умрешь, Божи, но я спасаю тебя в твою последнюю минуту. В мэрии не будет известно о твоём позоре. Матери сообщат, что ты пал на поле чести [11, с. 380].

Однако молодой солдат не в силах покончить с собой, и Жемье стреляет в него сам.

Бабель страстно осуждает империалистическую бойню, — писал Смирин, — выступает в защиту «маленького человека», не желающего быть «пушечным мясом». Цикл этот явился шагом вперед в творческом развитии писателя. Впервые он задумался как художник над вопросами политически злободневными [5, с. 123].

Действительно, несмотря на спокойный и, на первый взгляд, бесстрастный тон повествования, ясно, что Бабель принимает сторону не желающих умирать молодых людей, особенно в рассказе «Дезертир», где с явной симпатией выведен образ Божи, а в финале звучат иронические нотки в адрес капитана Жемье:

Правильно ли данное мною капитану имя Жемье — этого я точно не знаю. Рассказ Видаля посвящен некоему Фирмену Жемье⁷ в знак глубокого благоговения. Я думаю, посвящения достаточно. Конечно, капитана звали Жемье. И потом, Видаль свидетельствует, что капитан действительно был патриот, солдат, добрый отец и человек, умевший прощать маленькие обиды. А это немало для человека — прощать маленькие обиды [11, с. 381].

В рассказах «На поле чести» и «Дезертир» Бабель показывает офицеров французской армии, полагающих, что своим поступком они спасают честь солдата, которая для них, офицеров, имеет ценность гораздо бóльшую, чем собственно человеческая жизнь. И тем самым оба офицера выполняют свой нравственный долг так, как они его понимают. Как отмечал Лак, в отличие от капитана В. из книги Видаля, офицеры в рассказах Бабеля не подвергают рефлексии собственные поступки и, видимо, считают их единственно правильными и возможными в ситуации военного времени [7, с. 8].

Повествование в рассказах Бабеля «На поле чести» и «Дезертир» ведется от третьего лица, в отличие от 11-й главы Видаля, откуда был заимствован их сюжет. Для Бабеля такая форма — скорее исключение, ведь большинство его произведений написано от первого лица, и чаще всего повествователь является действующим лицом. В данном случае рассказ от третьего лица, возможно, был обусловлен стремлением писателя показать зависимость своих текстов от чужого источника.

В 15-й главе книги Видаля «История в духе Шекспира» Бабеля, безусловно, привлекла необычная ситуация. Отец семейства по фамилии Мареско приносит в мешке все, что осталось от его семьи, — останки жены и двух дочерей, погибших при бомбардировке, и хочет похоронить их в семейном склепе. Но место, где расположился лейтенант французской армии и где происходит его разговор с Мареско, оказывается тем самым склепом.

Смирин полагает, что рассказ Бабеля «Семейство папаши Мареско» «особенно близок к первооснове» и воспринимается «в большей своей части как перевод» [5, с. 121]. Действительно, только в этом рассказе сохранена фамилия героя — Мареско, «настоящая французская фамилия» [11, с. 382]. И в отличие от двух предыдущих рассказов, повествование так же, как у Видаля, ведется от первого лица. При этом по объему текст Бабеля немного превышает текст 15-й главы первоисточника, но экспозиция, подводящая читателя к кульминационной сцене, в рассказе Бабеля более сжатая:

Мы занимаем деревню, отбитую у неприятеля. Это маленькое пикардийское селенье — прелестное и скромное. Нашей роте досталось кладбище. Вокруг нас сломанные распятия, куски надгробных памятников, плиты, развороченные молотом неведомого осквернителя. Истлевшие трупы вываливаются из гробов, разбитых снарядами. Картина достойна тебя, Микеланджело!

Солдату не до мистики. Поле черепов превращено в траншеи. На то война. Мы живы еще. Если нам суждено увеличить население этого прохладного уголка, что ж — мы сначала заставили гниющих стариков поплясать под марш наших пулеметов.

Снаряд приподнял одну из надгробных плит. Это сделано для того, чтобы предложить мне убежище, никакого сомнения. Я водворился в этой дыре, que voulez-vous, on loge où on peut⁸.

И вот — весеннее, светлое ясное утро. Я лежу на покойниках, смотрю на жирную траву, думаю о Гамлете. Он был неплохой философ, этот бедный принц. Черепа отвечали ему человеческими словами. В наше время это искусство пригодилось бы лейтенанту французской армии [11, с. 381–382].

⁷ На самом деле Фирмен Жемье (1869–1933), которому посвящена 11-я глава книги Видаля, был не офицером французской армии, а известным актером и режиссером, в 1906–1921 гг. руководителем театра Антуана в Париже, а в 1920–1923-м — созданного им Национального народного театра. Бабель мог не знать или просто проигнорировать этот факт.

⁸ Что вы хотите, мы живем там, где можем (*фр.*).

С последней сценой 15-й главы Видаля перекликается короткий финальный диалог лейтенанта и Мареско:

- Что вам нужно, папаша, говорите живее. Вы видите, здесь кусаются.
- Mon lieutenant⁹, я все сказал вам, я хотел бы похоронить мое семейство.
- Отлично, я прикажу сходить за телами.
- Тела при мне, господин лейтенант!
- Что такое?

Он указал на мешок. В нем оказались скудные остатки семьи папаша Мареско. Я вздрогнул от ужаса.

— Хорошо, старина, я прикажу их похоронить. Он посмотрел на меня, как на человека, выпалившего совершенную глупость.

— Когда стихнет этот проклятый шум, — начал я снова, — мы выроем им превосходную могилу. Все будет сделано, père Marescot¹⁰, будьте спокойны...

— Но у меня фамильный склеп...

— Отлично, укажите его нам.

— Но, но...

— Что такое — но?

— Но, mon lieutenant, мы в нем сидим все время [11, с. 383].

Все три рассказа Бабеля, о которых шла речь выше, стоит рассматривать не как перевод, а как интерпретацию французских текстов, послуживших для них источником.

Четвертый рассказ из цикла Бабеля «На поле чести» — «Квакер» — с книгой Видаля не связан. К тому же герои рассказа — англичане, так что речь, возможно, идет о частях Британских экспедиционных сил, участвовавших в Первой мировой войне. Сюжетно «Квакер» перекликается с новеллой Г. де Мопассана «Коко», на что обратили внимание в своих работах Лак [7, с. 4] и Э. Зихер [8, с. 166]. В обоих произведениях речь идет о старой, уже непригодной к работе лошади, над которой издевается малолетний конюх: Зидор — у Мопассана, Беккер — у Бабеля. Но есть и весьма существенные отличия. В рассказе Мопассана хозяева лошади оставили ее доживать свой век, но никто не интересовался ее дальнейшей судьбой, и усилия конюха Зидора истребить животное в конце концов увенчались успехом. Так как лошадь «была стара, никто не удивился известию» о ее смерти [13, с. 113]. В отличие от Мопассана, у Бабеля подробно выведен образ Стона, спасшего и защищавшего старую лошадь. По мнению М.Я. Вайскопфа, образ этого героя восходит к «пародийно-благонамеренному» Исролику из повести Менделе Мойхер-Сфорима «Кляча» [2, с. 74–75]. По нашему мнению, помимо общения с клячей героев сближает только участие в обществах «покровительства животным» [11, с. 384]. А вот сходство квакера с Дон Кихотом подчеркивается в самом рассказе:

Со своим бесцветным желтым лицом, сжатыми бледными губами, Стон вызывал в памяти бессмертную и потешную фигуру Рыцаря печального образа, трусящего на Росинанте среди цветов и возделанных полей [11, с. 385].

Само название «Квакер» говорит об отношении героя к войне:

Заповедано — не убий. Вот почему Стон-квакер записался в колонну автомобилистов. Он помогал своему отечеству, не совершая страшного греха человекоубийства. Воспитание и богатство позволяли ему занять более высокую должность, но, раб своей совести, он принимал со смирением невидную работу и общество людей, казавшихся ему грубыми [11, с. 383–384].

⁹ Лейтенант (фр.).

¹⁰ Папаша Мареско (фр.).

Однажды во время прогулки он увидел непривязанную лошадь с торчащими от худобы боками:

Тотчас же голос долга с силой заговорил в нем <...>. Он приблизился к скотине, погладил ее мягкие губы и, забыв о прогулке, направился к конюшне. По дороге, не выпуская из рук своей Библии с застежками, — он напоил лошадь у колодца [11, с. 384].

Как было сказано, к несчастью для лошади за ней присматривал мальчишка-конюх, который только и делал, что издевался над животным. Стон всячески заступался за лошадь:

Часто по ночам квакер выбирался из своего автомобиля — он спал в нем, скорчившись на сиденье, — для того, чтобы убедиться, что лошадь находится в приличном отдалении от беккеровского сапога, окованного гвоздями [11, с. 385].

Затем:

...на фронте произошла перемена. Дивизия, к составу которой принадлежал Стон, была переведена на более опасное место. Религиозные его верования не разрешали ему убивать, но позволяли быть убитым <...>. Стон забыл свою лошадь. Через неделю совесть принялась за грызущую свою работу. Улучив время, квакер отправился на старое место. Он нашел лошадь в темном сарае, сбитом из дырявых досок. Животное еле держалось на ногах от слабости, глаза его были затянуты мутной пленкой. Лошадь слабо заржала, увидев своего верного друга, и положила ему на руки падавшую морду».

Выяснилось, что на сей раз это была не вина конюха, попросту они не получали овса. Стон отправился добывать овес, а

...на следующее утро солдаты, отправленные на поиски, нашли его убитым у руля автомобиля. Пуля пробила череп. Машина осталась во рву [11, с. 386].

Цикл «На поле чести» был для Бабеля подступом к военной теме, но здесь нет описаний боев, как их почти не будет в «Конармии». Для Бабеля важнее нравственный аспект происходящих событий. В его рассказах отчетливо показаны жестокость войны и ее жертвы: двадцатилетние солдаты Биду и Божи; безымянный лейтенант, обосновавшийся на кладбище; папаша Мареско, потерявший свою семью, и квакер Стон.

Отголоски Первой мировой войны нашли отражение на страницах конармейского дневника Бабеля, который он вел, находясь в Первой конной армии во время советско-польской войны 1920 г.

Новоселки — Мал. Дорогостай, 18 июля:

Все чаще и чаще встречаются окопы старой войны, везде проволока <...> разоренные деревни... [12, с. 135];

Пелча — Боратин, 21 июля:

Кладбище <...> три гроба¹¹ евреев солдат, убитых в русско-герм<анскую> войну [12, с. 138];

¹¹ По всей видимости, речь идет о надгробиях.

Лешнюв, 26 июля:

Переезжаю к безногому еврею <...> отец потерял обе ноги на Ит<альянском> фронте <...>. У меня тоска, надо все это обдумать, и Галицию, и мировую войну, и собственную судьбу [12, с. 144].

Участниками Первой мировой были герои ряда конармейских рассказов. Сашка Христос из одноименного рассказа провел на фронте практически всю войну: «С призывом своим Сашка угодил в первый год войны. Он пробыл на войне четыре года и вернулся в станицу, когда там своевольничали белые» [12, с. 45]. Герой «Истории одной лошади» Хлебников (первоначально Мельников) указал в заявлении о выходе из Коммунистической партии: «...я есть, товарищи, до белых коней охотник и положил на них силы, в малом количестве оставшиеся мне от империалистской и гражданской войны» [12, с. 53]. С сообщения об участии в Первой мировой войне практически начинает свое жизнеописание герой рассказа «Измена» Никита Балмашев: «Жизнеописание мое до 1914 года объясняю как домашнее, где занимался при родителях хлебопашеством и перешел от хлебопашества в ряды империалистов защищать гражданина Пуанкаре и палача германской революции Эберта-Носке...» [12, с. 90]¹².

В походном дневнике Бабеля неоднократно упоминается повозочный Грищук. В первый раз эта фамилия встречается в дневниковой записи от 14 июля 1920 г., сделанной в Белеве: «Свыкаюсь со штабом, у меня повозочный 39-летн<ий> Грищчук <sic!>, 6 лет в плену в Германии, 50 верст от дому (он из Кременецкого у<езда>) не пускают, молчит» [12, с. 131-132]. О нем же в записях от 19 июля: «Грищук апатичен совершенно. Что такое Грищук, покорность, тишина бесконечная <...>. Знает, что такое начальство, немцы научили» [12, с. 136]; 28 июля «Грищук, окаменелый, плохо ухаживает за конями, оказывается, он приучен голодом» [12, с. 145]; 29 июля: «Грищук идет домой, иногда — он прорывается — я замученный, по-немецки он не мог научиться, п<отому> ч<то> хозяин у него был серьезный, они только ссорились, но никогда не разговаривали» [12, с. 147].

Приведенные записи послужили источником рассказа «Грищук»¹³, который появился в одесских «Известиях» 23 февраля 1923 г., но в книгу «Конармия» Бабелем включен не был. Небольшой рассказ посвящен пребыванию героя в германском плену:

...мы въехали в село, с кучером, растянувшимся во всю длину экипажа. Дома я накормил его хлебом и картошкой. Он ел вяло, задремывал и раскачивался. Потом вышел на середину двора и, разбросав руки, лег на землю — лицом кверху.

— Ты все молчишь, Грищук, — сказал я ему, задыхаясь, — как я пойму тебя, томительный Грищук?..

Он смолчал и отвернулся. И только ночью, когда мы, согревая друг друга, лежали на сене, я узнал одну главу из его немой повести.

Русские пленные работали по укреплению сооружений на берегу Северного моря. На время полевых работ их угнали в глубь Германии. Грищука взял к себе одинокий и умалишенный фермер. Безумие его состояло в том, что он молчал. Побоями и голодовкой он выучил Грищука объясняться с ним знаками. Четыре года они молчали и жили мирно. Грищук не выучился языку

¹² Речь идет о немецких политических и государственных деятелях: Фридрихе Эберте (1871–1925) и Густаве Носке (1868–1946). В 1920 г. германское правительство называли правительством Эберта-Носке. Например, в марте 1920 г. в газете «Правда» материалы о событиях в Германии помещались под заголовком «Правительство Эберта — Носке».

¹³ Грищук является одним из героев рассказов «Учение о тачанке» и «Смерть Долгушова», входящих в основной состав «Конармии». В первом из этих рассказов также упоминается германский плен [12, с. 35].

потому, что не слышал его. После германской революции он пошел в Россию. Хозяин проводил его до края деревни. У большой дороги они остановились. Немец показал на церковь, на свое сердце, на безграничную и пустую синеву горизонта. Он прислонился своей седой взерошенной безумной головой к плечу Грищука. Они постояли так в безмолвном объятии. И потом немец, взмахнув руками, быстрым, немощным и путаным шагом побежал назад, к себе [12, с. 105].

Трогательная концовка, скорее всего, вымысел. Но подобный финал ярко выражает тот глубокий гуманистический смысл, которым пронизано все творчество писателя, включая рассказы о Первой мировой войне.

Выше говорилось о рассказах 1932 г. «Аргмак» и «Дорога», в которых упоминаются воинские соединения, действовавшие на Румынском фронте. Стоит сказать еще об одном опубликованном в 1932-м рассказе «Иван-да-Марья», где речь идет о последствиях Первой мировой войны для инвалидов — участников продовольственной экспедиции летом 1918 г. в Самарскую губернию:

Купанье сотрудников продовольственной в Самарскую губернию экспедиции (так назывались мы в официальных бумагах) представляло собой необыкновенное зрелище. Калеки поднимали в воде илстые розовые фонтаны. Охранники были об одной ноге, другие недосчитывали руки или глаза. Они спрягались по двое, чтобы плавать. На двух человек приходилось две ноги, они колотили обрубками по воде, илстые струи втягивались водоворотом между их тел. Рыча и фыркая, калеки вываливались на берег; разыгравшись, они потрясали культяпками навстречу несущимся небесам, закидывали себя песком и боролись, уминая друг дружке обрубленные конечности¹⁴ [11, с. 440].

Один из героев рассказа «Гюи де Мопассан» (1932), Бендерский, разбогател во время Первой мировой на военных поставках.

И, наконец, упомянем рассказ «Поцелуй», появившийся в печати в 1937 г. и тематически примыкающий к «Конармии». Героиня рассказа Елизавета Алексеевна Томилина «вдовеет после офицера, убитого в германскую войну» [11, с. 112], соответственно изображенная в рассказе жизненная коллизия, во всяком случае, те отношения, которые возникают между Томилиной и героем-повествователем, обусловлены именно этим обстоятельством.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что если Бабель и принимал участие в событиях Первой мировой войны, то весьма непродолжительное время. Видимо поэтому непосредственно посвященные ей рассказы позаимствованы в основном из французских источников или связаны с французским контекстом. Однако на протяжении многих лет последствия и отголоски той войны оставались в поле зрения писателя, что нашло отражение в его произведениях не только 1910–1920-х, но и 1930-х гг.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бар-Селла З.* Сюжет Бабея. М.: Неолит, 2018. 376 с.
- 2 *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017. 494 с.
- 3 *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916–1918 гг. (По материалам архивов Французского военного министерства). Париж: Изд. Союза офицеров участников, 1933. 247 с.

¹⁴ Эскизом к этому рассказу можно считать очерк 1918 г. «Концерт в Катериненштадте», в котором в несколько иной обстановке изображены такие же калеки, изувеченные войной (см.: [10, с. 199-200]).

- 4 *Погорельская Е.И., Левин С.Х.* Исаак Бабель. Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. 624 с.
- 5 *Смирин И.А.* У истоков военной темы в творчестве И. Бабеля (И. Бабель и Гастон Видаль) // *Смирин И.А.* И.Э. Бабель в литературном контексте: сб. ст. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2005. С. 121-123.
- 6 *Шкловский В. Б.* И. Бабель (Критический романс) // *Леф.* 1924. №2 (6). С. 152-155.
- 7 *Luck Ch. D.* The Field of Honour. An analysis of Isaak Babel's cycle On the Field of Honour (Na pole chesti), with reference to Gaston Vidal's Figures et anecdotes de la Grande Guerre. Birmingham: Department of Russian Language & Literature University of Birmingham, 1987. 84 p.
- 8 *Sicher E.* Babel in Context: A Study in Cultural Identity. Boston: Academic Studies Press, 2012. 310 p.
- 9 *Stora-Sandor J.* I saak Babel'. 1894–1941: L'homme et l'œuvre. Paris: Éditions Klincksieck, 1968. 154 p.

Источники

- 10 *Бабель И.Э.* Сочинения: в 2 т./вступ. ст. Г.А. Белой, подгот. текста А.Н. Пирожковой, коммент. С.Н. Поварцова. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 478 с.
- 11 *Бабель И.Э.* Рассказы/сост., подгот. текстов, послесловие, коммент. Е.И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. 656 с.
- 12 *Бабель И.Э.* Конармия/изд. подготовила Е.И. Погорельская, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2018. 470 с. (Серия «Литературные памятники»)
- 13 *Мопассан Г. де. Коко* // *Мопассан Г. де.* Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб.: Пантеон, 1909. Т. 12: Сказки дня и ночи/пер. А. Элиасберга. С. 109-113.
- 14 *Vidal G.* Figures et anecdotes de la Grande Guerre. Paris: La Renaissance du livre, 1918. 275 p.

© 2024. Elena I. Pogorelskaia
Moscow, Russia

THE FIRST WORLD WAR IN THE BIOGRAPHY AND WORK OF ISAAC BABEL

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with support of the grant of the Russian Scientific Foundation No 23-28-01239 'From fact to artistic image — understanding of the First World War in the works of prose writers and poets — A.N. Tolstoy, N.S. Gumilev, S.A. Yesenin, V.V. Mayakovsky, I.E. Babel', Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-01239/>

Abstract: The paper discusses the issue of I.E. Babel's participation in the events of the First World War, and what place this war occupies in his work. In his *Autobiography*, written in November 1924, the writer reports that he was a soldier on the Romanian front. This fact is not documented, but two stories of 1932, *Argamak* and *The Road*, mention military formations that operated during the war. The theme of the First World

War was somehow reflected in some stories and essays of 1916–1918. The cycle *On the Field of Honor* (1920) is dedicated directly to this war, but its content is borrowed from literary sources and is dedicated to a foreign army. If Babel' participated in military events, it was for a very short time. Apparently, therefore, the theme of the First World War was reflected in his stories and essays only in strokes and individual mentions. Nevertheless, for many years, the consequences and echoes of that war remained in the writer's field of vision, which was reflected in his works not only in the 1910s and 1920s, but also in the 1930s.

Keywords: I.E. Babel, First World War, Biography, Prose, Journalism, Cycle 'On the Field of Honor'.

Information about the author: Elena I. Pogorelskaia — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bldg., 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0668-7320>

E-mail: elena_pog@mail.ru

Received: November 14, 2023

Approved after reviewing: January 23, 2024

Date of publication: September 25, 2024

For citation: Pogorelskaia, E.I. "The First World War in the Biography and Work of Isaac Babel." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 73, 2024, pp. 151-164. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-151-164>

References

- 1 Bar-Sella, Z. *Siuzhet Babelia [Babel's Plot]*. Moscow, Neolit Publ., 2018. 376 p. (In Russ.)
- 2 Vaiskopf, M.Ia. *Mezhdu ognennykh sten: Kniga ob Isaake Babele [Between the Walls of Fire: A Book about Isaac Babel]*. Moscow, Knizhniki Publ., 2017. 494 p. (In Russ.)
- 3 Danilov, Iu. N. *Russkie otriady na frantsuzskom i makedonskom frontakh 1916–1918 gg. (Po materialam arkhivov Frantsuzskogo voennogo ministerstva) [Russian Detachments on the French and Macedonian Fronts of 1916–1918 (Based on the Archives of the French Ministry of War)]*. Paris, Soiuz ofitserov uchastnikov Publ., 1933. 247 p. (In Russ.)
- 4 Pogorel'skaia, E.I., Levin, S.H. *Isaak Babel'. Zhizneopisanie [Isaac Babel. Biography]*. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2020. 624 p.
- 5 Smirin I.A. "U istokov voennoi temy v tvorchestve I. Babelia (I. Babel' i Gaston Vidal)" [*At the origins of the military theme in the works of I. Babel (I. Babel and Gaston Vidal)*]. Smirin, I.A. *I.E. Babel' v literaturnom kontekste: sbornik statei [I.E. Babel in a literary context: collection of articles]*. Perm', Perm State University Publ., 2005, pp. 121-123. (In Russ.)
- 6 Shklovskii, V.B. "I. Babel" (Kriticheskii romans)" [*"I. Babel' (Critical Romance)"*]. *Lef*, no. 2 (6), 1924, pp. 152-155. (In Russ.)
- 7 Luck, Christopher D. *The Field of Honour. An analysis of Isaak Babel's cycle On the Field of Honour (Na pole chesti), with reference to Gaston Vidal's Figures et anecdotes de la Grande Guerre*. Birmingham, Department of Russian Language & Literature University of Birmingham Publ., 1987. 84 p. (In English)

- 8 Sicher, Efraim *Babel in Context: A Study in Cultural Identity*. Boston, Academic Studies Press, 2012. 310 p. (In English)
- 9 Stora-Sandor, Judith *Isaak Babel'. 1894–1941: L'homme et l'œuvre*. Paris, Éditions Klincksieck, 1968. 154 p. (In French)